

*Иосиф Дзялошинский,
профессор Государственного университета – Высшая школа экономики*

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ...

Четыре вопроса по поводу спора между журналистами Зоей Световой и Владимиром Перекрестом¹

ВОПРОС ПЕРВЫЙ: В ЧЕМ СУТЬ СПОРА?

13 февраля 2009 года в газете «Известия» был опубликован материал Владимира Перекреста «Маркелов и Бабурова оказались вместе не случайно». Этот материал представлял собой, как было впоследствии заявлено и самим г-ном Перекрестом, и главным редактором газеты «Известия» Владимиром Мамонтовым, третий фрагмент редакционного расследования обстоятельств гибели адвоката Маркелова и журналистки Бабуровой. Два предыдущих фрагмента были подписаны Владимиром Демченко: первый фрагмент назывался «Адвоката Маркелова убили. Или казнили? Часть первая»; второй - «Адвоката Маркелова убили. Или казнили? Часть вторая». В этих фрагментах рассматривались такие версии, как месть офицеров, служивших в Чечне, и месть со стороны неонацистов, давно вынесших Стасу Маркелову свой приговор. В обоих случаях убийство на Пречистенке рассматривалось как наказание за профессиональную деятельность в форме публичной казни. В конце второго фрагмента высказывалось предположение, что возможен третий вариант - конфликт, о котором знают близкие Маркелова. Однако эта тема никак не была развита.

Что касается публикации «Маркелов и Бабурова оказались вместе не случайно», то у нее был уже другой автор - Владимир Перекрест, и в выходных данных упоминание о том, что это третья часть редакционного расследования, отсутствовало. В этом материале рассматривалась версия, согласно которой убийство адвоката и журналистки не связано с их профессиональной деятельностью, а представляет собой преступление, совершенное на бытовой почве.

¹ Данное экспертное заключение подготовлено для Общественной коллегии по жалобам на прессу.
Адрес постоянного размещения:
http://www.presscouncil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=219&Itemid=31&limit=1&limitstart=7.

Возмущенная этой публикацией обозреватель газеты «Новые Известия» Зоя Светова **16 февраля** опубликовала «Открытое письмо в Общественную коллегию по жалобам на прессу», в котором обвинила Владимира Перекреста в том, что он не только нарушил правила профессиональной этики, обнародовав под видом журналистского расследования свои домыслы о личной жизни Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой, но и намеренно ввел в заблуждение читателей газеты по поводу причин данного убийства в то время, когда официальное расследование только началось и никаких выводов еще не прозвучало. По мнению Световой, «такие статьи дискредитируют профессию журналиста, подрывают доверие общества к нашей профессии... Подобная деятельность должна найти оценку в Общественной коллегии по жалобам на прессу. Иначе, грош цена всему нашему журналистскому сообществу вместе взятому».

Зоя Светова также задала автору материала и редактору «Известий» вопрос: Почему публикация о бытовой версии убийства вышла накануне траурного шествия в память о Станиславе Маркелове и Анастасии Бабуровой? С чем связана эта спешка?

В этот же день главный редактор «Известий» Владимир Мамонтов в интервью РИА «Новости» заявил, что «Известия» продолжают вести объективное, с его точки зрения, расследование убийства адвоката Станислава Маркелова и журналистки Анастасии Бабуровой, «несмотря ни на какие обращения в какие бы то ни было палаты». «Мы не будем в этом расследовании вставать ни на чью сторону заранее, опубликуем итоги этого расследования, какими бы они ни оказались для родственников, убитых или власти», - пообещал Владимир Мамонтов. При этом, правда, он выразил сожаление, что, излагая в материале такую версию убийства, авторы статьи могли задеть чувства кого-то из родственников погибших, но пока с подобными претензиями в редакцию газеты, по словам ее руководителя, никто из них не обращался. Мамонтов напомнил также, что Коллегия, в которую обратилась журналистка «Новых Известий», носит общественный характер, а значит сотрудничество с ней дело добровольное. Поэтому сначала главред «Известий» собрался выяснить у юристов, «каковы юридические основы такого разговора», а затем принимать решение по поводу своих дальнейших действий.

В этот же день в «Известиях» появился материал некоего Николая Корнишина «Оппозиция опять пошла своим путем» с подзаголовком «Маркелов и Бабурова оказались вместе не случайно. Разгадка преступления вовсе не в служебной деятельности?» В публикации сообщалось о том, что 15 февраля представители нескольких политических движений провели в Москве очередную «акцию памяти» по убитым 19 января адвокату Станиславу Маркелову и журналистке Анастасии Бабуровой. Шествие и митинг состоялись, несмотря на то, что накануне против подобных мероприятий резко выступили родственники погибших, общественные организации и даже духовенство. Также сообщалось, что в интервью portalу «Politonline.ru» брат убитого адвоката Маркелова политик Михаил Маркелов в крайне резкой форме заявил, что при жизни Станислав, несмотря на свои либеральные убеждения, «никогда не общался ни с какими представителями политических партий, тем более с различного рода спекулянтами и жуликами, с компанией, командой или как их там - сборищем под названием "Другая Россия"». Брат убитого уверен, что, проводя «шествия памяти», оппозиция просто «осваивает бюджеты», которые зарубежные организации выделяют на антиправительственные акции.

Автор щедро цитирует всех, кто полагает, что действия участников шествия и митинга продиктованы желанием использовать смерть Маркелова и Бабуровой как повод для политической акции.

17 февраля Максим Соколов опубликовал в «Известиях» заметку «Журналистика и религия. Политика партии и правительства», в которой отметил, что «по существу разбираемого предмета... текст в самом деле допускает нарекания, поскольку перед нами чисто умозрительная версия, базирующаяся на ряде допущений. "Если было то и если было это, и если было еще то, дело могло закончиться выстрелом ревнивца"». Однако, по мнению Соколова, журналист, как и следователь, обязан исследовать все версии убийства, в то время как сторонники политической версии убийства намеренно мешают журналистам «Известий» исследовать и бытовую версию.

Возникшая вокруг этой публикации ситуация обсуждалась **17 февраля** в прямом эфире «Радио Свобода». Участниками дискуссии были обозреватель «Известий» Владимир Перекрест, обозреватель «Новых Известий» Зоя Светова и

адвокат, профессор МГУ Елена Лукьянова. Вела программу обозреватель «Радио Свобода» Елена Рыковцева.

Владимир Перекрест заявил, что считает свою публикацию полноценным расследованием, на которое имеет право любой журналист. Он утверждал, что приводил разные точки зрения и работал совершенно объективно.

Зоя Светова категорически не согласилась с ним, обратив внимание слушателей на то, что в известинской статье нет никаких признаков расследования: там нет фактов и не предъявлена тщательная журналистская работа. Зато есть безнравственное копание в личной жизни погибших. Зоя Светова считает, что публикация статьи Перекреста 13 февраля, за два дня до траурного митинга-шествия, организованного в память Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой правозащитниками, не случайность: это была попытка скомпрометировать акцию. На что Владимир Перекрест ответил, что он ничего не знал о подготовке такой акции.

Еще жестче сформулировала свою позицию Елена Лукьянова: «Мне, к сожалению, не удалось найти никаких биографических данных Владимира Перекреста - даже интернет не выдает о нем никакой информации. Но я прочитала все его последние публикации, связанные с делом Ходорковского, Литвиненко, "Три кита"... Так вот, все они более всего похожи на прокурорский слив. Прокуратура не хочет всерьез расследовать подобные громкие преступления. Статья в "Известиях" – это попытка увести общественное мнение в сторону... На фоне того, что в стране убивают журналистов и адвокатов, острого журналиста и серьезных адвокатов. Я бы характеризовала публикации Владимира Перекреста, и не только ту, о которой мы говорим сегодня, как чистый слив».

Елена Рыковцева привлекла внимание участников дискуссии к серии весьма показательных публикаций в российских СМИ, которые также предшествовали акциям памяти Маркелова и Бабуровой:

- 6 февраля на портале «Politonline.ru» появилось обширное интервью с братом убитого адвоката Михаилом Маркеловым, где он называл участников митингов в память об убитых «негодяйской компанией подлецов и ублюдков».

- 13 февраля публикация с пересказом этого интервью появилась в «МК» за подписью некоего Игоря Сеницына. *Попытки Елены Рыковцевой обнаружить в редакции журналиста с такой фамилией к успеху не привели.*
- В тот же день подобная публикация, но за подписью некоего Никиты Двинина появилась в «Независимой газете». *И снова следы журналиста с такой фамилией найти не удалось.*
- 16 февраля «Известия» опубликовала опус, имеющий текстуальные совпадения с упомянутыми выше. Под ним стояла подпись Николая Корнишина. *Елена Рыковцева до изложения этих фактов поинтересовалась у Владимира Перекреста, знает ли он коллегу по фамилии Корнишин. «Первый раз слышу», – сказал Перекрест.*

21 февраля в «Известиях» появился совместный материал Владимира Демченко и Владимира Перекреста «Вам шашечки? А нам ехать!» с подзаголовком «Оппозиция опять пошла своим путем» (алаверды к тексту Корнишина). В публикации доказывалось, что авторы попытались найти возможную причину убийства как в служебной деятельности погибших, так и вне ее. Цитирую практически весь материал. «Среди прочего мы обратили внимание на то, что адвокат и журналистка оказались вместе не случайно, что они были давно знакомы, вместе участвовали в различных социальных акциях, ездили на Европейский социальный форум в Швецию. Публикация последнего факта вызвала шквал откликов в интернет-блогах: от проклятий и оскорблений до прямых угроз одному из авторов расследования.

Отношения Насти Бабуровой и Станислава Маркелова никогда бы не стали темой публикации "Известий", если бы их жизни не прервались одновременно столь трагическим образом. Мы не знаем степени глубины их взаимоотношений, да и не пытаемся узнать. Важно, что эти взаимоотношения могут быть существенным обстоятельством в расследовании убийства. И публикация появилась в "Известиях" исключительно потому, что она может приблизить читателя к пониманию того, что произошло 19 января на Пречистенке на самом деле.

Возможно, раскрытые нами факты противоречат чьим-то оценкам. Что греха таить, кто-то уже нашел виновных и усиленно эксплуатирует эту версию на

митингах. Когда мы готовили свое расследование, мы спрашивали у соратников Станислава по правозащитному движению: а были ли у него какие-то дела и интересы, которые не выплеснулись в публикации и телерепортажи? Могло ли это стать причиной убийства? Собеседники тут же менялись в лице. Всякие сомнения в их версии тут же швыряли вопрошающего на противоположную сторону баррикад. "В этом деле все ясно, а сомневаться могут только приспешники властей!"

Вспоминается формула: "вам шашечки или ехать"? Сегодня многие стараются использовать смерть Маркелова и Бабуровой в своих целях. Им необходимо, чтобы расследование оставалось на уровне шашечек».

В этой же газете была опубликована подборка мнений читателей по поводу дискуссии на «Радио Свобода». Все читатели, кроме двух, дружно поддержали авторов «редакционного расследования» в их стремлении рассмотреть и бытовую версию убийства и, мягко говоря, не поддержали попыток Световой и Лукьяновой, перевести разговор в морально-этическую плоскость.

Такова канва анализируемой ситуации².

ВОПРОС ВТОРОЙ: ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПУБЛИКАЦИЯ ВЛАДИМИРА ПЕРЕКРЕСТА ПРОДУКТОМ ЖУРНАЛИСТСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ?

Этот вопрос имеет не только теоретическое, но и вполне практическое значение. Массовый читатель любит читать материалы в жанре «журналистского расследования». Так же, как любит детективную литературу. Мало веря в желание и способность правоохранительных органов выяснить истину, читатели уповают на бесстрашных и неподкупных журналистов, которые обязательно найдут подлинных виновников дерзкого преступления. Эта детская вера до сих пор живет в сознании аудитории и самым беспощадным образом эксплуатируется СМИ во

² Анализ всех появившихся в газете «Известия» и ряде других изданий публикаций по этой теме дает основания для вывода о том, что мы имеем дело с хорошо спланированной информационной кампанией, использующей достаточно известный среди политтехнологов набор манипулятивных приемов. Один из них называется «Игра в наперсток». Суть приема предельно проста. Аудитории предлагается несколько версий – обычно две, в данном случае три – значимого для аудитории события. После этого манипулятор играет «наперстками»–аргументами, свидетельствующими в пользу той или иной версии, на глазах изумленной публики, которая заморожено следит за его действиями, не подозревая, что шарик, то есть истина, лежит совсем в другом месте. Если же кто-то из публики начинает вслух сомневаться в наличии шарика, находящиеся среди публики партнеры манипулятора быстро его утихомиривают с помощью угроз и сомнений в его психической адекватности. Однако разбор приемов, которыми пользуются манипуляторы, - это предмет совсем другого разговора.

всем мире. Однако желание заниматься расследовательской журналистикой далеко не всегда сопровождается ясным пониманием ее сути, приемлемых методов, законодательных и моральных ограничений. Изучая журналистские тексты, мы неоднократно сталкивались с ситуациями, когда материал, изобилующий формальными признаками, позволяющими отнести его к журналистскому расследованию, на самом деле являлся обычным «сливом компромата» во имя достижения какой-либо (как правило, не очень достойной) политической цели.

Как писал Алексей Симонов в предисловии к книге «Журналистское расследование», «"расследованием" именуют все подряд: публикацию подслушанных телефонных разговоров, всенародную демонстрацию бандитской видеозаписи, подборку подметных писем, свалку компромата, добытого усилиями конкурирующего ведомства, — словом, все, что не проверено, не осмыслено, не требует ни ума, ни усилий, а нуждается лишь во взволнованной обаятельности тембра или легкости журналистского пера, чтобы придать куче лежалого товара съедобный вид. Занимающиеся этим журналисты напоминают мне буфетчицу из буфета "для начальства" в доперестроечном "Останкино" лет двадцать тому назад. Когда у нескольких начальников обнаружили признаки бытового сифилиса, выяснилось, что для придания вчерашним бутербродам наружной свежести, буфетчица "обновляла" их, облизывая перед тем, как выставить на витрину».

Такая неразборчивость в понятиях может привести, и довольно часто приводит, к дискредитации этого направления профессиональной деятельности журналиста. Поэтому, размышляя о возможностях и пределах журналистских расследований, надо ответить на вопросы: Что такое подлинное журналистское расследование? Как отличить суррогат от настоящего расследования?

По мнению автора книги «Универсальный журналист» Дэвида Рэндалла, в прошлом - ведущего сотрудника лондонской «Observer», журналистское расследование отличается от других видов журналистской деятельности тремя особенностями.

Во-первых, это – не обзор и не сведение воедино чужих данных и сведений. Это – исследование, проводимое репортерами, которые зачастую работают с самым что ни на есть «сырым» материалом. Это может быть либо проведение множества интервью, либо подбор и сопоставление фактов и цифр. Во многих случаях плодом

такого расследования является установление таких структур и связей в материале, которых никто прежде не замечал.

Во-вторых, выбранная тема предположительно связана с сомнительными делами или с халатностью, но доказательств этому нет. Доказательства необходимо собрать, а это потребует куда больше времени и постоянных усилий, чем обычная деятельность. Возможно также, что работы будет больше, чем на одного репортера. Естественно, что журналист пойдет на такие траты сил и времени, только если тема важна для читателей.

В-третьих, кто-то пытается сохранить информацию в тайне. И хотя это характерно для многих видов журналистской деятельности, однако в повседневной репортерской работе существует такой момент, когда журналист останавливается и готовит материал на основании полученной информации. Журналистское же расследование начинается там, где заканчивается повседневная работа. Оно игнорирует скрытность чиновников и отказ давать информацию. Получение информации – вот цель журналистского расследования.

В упоминавшейся выше книге «Журналистское расследование», выпущенной Фондом защиты гласности, констатируется, что «сам жанр журналистского расследования предполагает всестороннее и подробное исследование некоей мало изученной, закрытой или тщательно скрываемой темы, в процессе работы над которой приходится преодолевать нежелание определенных структур предоставить интересующую вас информацию. Понятно, что зачастую это просто невозможно сделать, будучи в лайковых перчатках. И тогда метод поиска материала становится не менее захватывающим, чем сама тема расследования. Впрочем, для относительно благополучного и развитого в материальном смысле этого слова общества интерес может предоставлять даже расследование неких особенностей производства корма для кошек. Дело не в теме, а в способах ее изучения и общественной значимости сделанных выводов...

Основное отличие журналистского расследования как жанра заключается, пожалуй, в том, что автор не ограничивается постановкой проблемы и ее самостоятельным исследованием. Инвестигейтор, как правило, предлагает какие-то варианты ответов на возникшие вопросы, выводы, которые вытекают из проделанной им работы. Иной раз он может даже не делать этого открытым

текстом, но собранные факты и комментарии к ним сами подтолкнут читателя или зрителя к правильному заключению».

В этом фрагменте изложены практически все существующие на сегодняшний день признаки журналистского расследования. Однако кое-что в приведенной цитате смущает.

Прежде всего, смущает определение цели журналистского расследования. Что значит – предать огласке? Предать огласке значит проинформировать. Я знаю многих журналистов, талантливых и известных, которые, как в скорлупу, прячутся в определение «я – инструмент гласности и ничего более». Понимаю, это спасает от необходимости искать ответы на многие неприятные вопросы, но ведь все равно вопросы придется ставить и, так или иначе, решать. Ведь информация нигде и никогда не была самоцелью. Информация – это средство для принятия решения. Кем и какого? А уж тем более, если, как говорится в вышеприведенном фрагменте, «инвестигейтор, как правило, предлагает какие-то варианты ответов на возникшие вопросы, выводы, которые вытекают из проделанной им работы. Иной раз он может даже не делать этого открытым текстом, но собранные факты и комментарии к ним сами подтолкнут». От чьего имени он предлагает эти варианты? От собственного? И что значит – подталкивать читателя или зрителя к правильному заключению?

Мне представляется, что в журналистике в целом и в том виде журналистики, который сейчас обозначается общим понятием «расследовательская», явно выделяются три типа профессиональной деятельности, отличающихся друг от друга по всем существенным параметрам:

- основным целям, которые журналист ставит перед собой (или кто-то ставит перед ним);
- целевой аудитории;
- средствам, с помощью которых автор предполагает достигать тех целей, которые он ставит перед собой;
- способам, технологиям самой деятельности.

Первый тип расследовательской журналистики ориентирован на достижение конкретных политических или экономических целей посредством обнародования компрометирующих данных на конкретных лиц и конкретные организации. Очень

часто этот тип носит название «заказная журналистика». Но те журналисты, которые выполняют подобные заказы, отбиваются от слабых упреков коллег тем, что они сами собирают материал и рискуют при этом так же, как и любой другой исследователь. Реакция аудитории для такого журналиста несущественна, хотя и приятна. Гораздо существеннее благодарность заказчика.

Второй тип расследовательской журналистики ориентирован на привлечение внимания массовой аудитории, увеличение сбыта издания или рейтинга теле-радиопрограммы. Назовем этот тип – достаточно условно – «коммерческой расследовательской журналистикой». Предметом интереса такой журналистики будет не всякая проблема, которую можно и нужно раскапывать, а такая, которая интересует именно массовую аудиторию.

Третий тип расследовательской журналистики ориентирован на то, чтобы, пользуясь своими журналистскими способностями и привилегиями (одна из них – особый режим доступа к информации), помочь гражданам увидеть, узнать, понять скрываемую от них информацию высокого общественного интереса, на основе которой могут и должны быть приняты важные решения. Следовательно, предметом журналистского интереса в таком случае всегда является проблема, которая так или иначе затрагивает жизненные интересы значительного количества людей. Эмпирическими признаками этого типа журналистского расследования являются всестороннее изучение вопроса с использованием информации из различных источников. В материале должны быть представлены и факты, и комментарии, и аргументы, и контраргументы оппонентов. Авторская позиция не декларируется в виде эмоций, она выстраивается самой структурой материала, которая достаточно убедительно демонстрирует читателям (зрителям, слушателям) глубину проникновения автора в проблему и полноту освоения им темы. И назвать этот тип расследовательской журналистики – тоже достаточно условно – можно «гражданской журналистикой».³

³ Соответствующим образом можно проанализировать предложенные типы расследовательской журналистики с точки зрения различных средств, используемых в ходе профессиональной деятельности; порассуждать об умениях и навыках, которыми должен владеть журналист-расследователь, работающий «по заказу», «для рейтинга» или «для совместного решения проблем»; о заповедях, которые считают необходимым соблюдать или полагают возможным игнорировать сторонники разных типов журналистики. Но все это много раз описано в различных книгах, к которым я и отсылаю тех, кого эти аспекты данной проблемы интересуют.

Разумеется, это очень грубое деление: возможны другие классификации, возможны и переходные варианты. В частности, руководитель Агентства журналистских расследований Андрей Константинов считает, что «заказное расследование - это абсолютно нормальная практика, потому что существует рынок средств массовой информации. Другое дело, что здесь должны действовать и определенные правила. Мы отличаемся от тех, кто спекулирует этим жанром. Нам можно заказать расследование, но не его результат. Вот приходит к нам человек со стороны, говорит: я знаю, что вы умеете работать, и хочу предложить изучить некую тему. Ничего страшного в этом нет, если работа будет проведена так, как она должна быть проведена. Точно также человек нанимает частного детектива, которому абсолютно все равно, каким делом он будет заниматься. Главное, не фальсифицировать отчет. Тогда это будет в нормах всей этики... Кроме того, в наше время вообще о заказном, или, скорее, незаказном характере материала говорить сложно. Взять журналиста, работающего в газете. Вот он проводит независимое расследование по теме, которую ему... заказал его редактор, работодатель. Он же ему просто сказал: займись этим вопросом. И человек будет заниматься, прекрасно понимая, что тоже принял заказ, но не от человека с улицы, а от своего начальника. Который, кстати, тоже, может быть, не сам эту тему придумал, а заинтересованные люди подсказали. И даже оплатили. Ну, не деньгами, а услугами, еще там чем-то».

Теперь с позиции предложенной классификации посмотрим на текст, который стал предметом данного разбирательства.

Публикация «Маркелов и Бабурова оказались вместе не случайно» начинается заявлением автора: «Новые, сенсационные подробности обнаружили "Известия" в ходе собственного расследования гибели адвоката Станислава Маркелова и журналистки Анастасии Бабуровой». Какие же это сенсационные подробности? Перечислим.

1. Журналистка Анастасия Бабурова и адвокат Станислав Маркелов были давно знакомы.
2. У них были общие взгляды и интересы. Они вращались в одних кругах - среди анархистов, пацифистов, антифашистов. Оба были одержимы идеей борьбы с несправедливостью - такой, какой они ее понимали.

3. Стас, крепко стоящий на ногах известный и уважаемый человек, как мог, опекал молодую журналистку, которая была младше его на десять лет. Например, после того как Настя ушла из «Известий», где писала совершенно неинтересные ей статьи на экономические темы, ее появление в качестве внештатного автора в «Новой газете» состоялось не без участия Станислава, который давно и прочно был связан с этим изданием - он вел многие судебные дела газеты.
4. Станислава Маркелова часто приглашали на различные семинары и конференции для правозащитников и политиков-неформалов. И практически всегда он брал с собой Настю⁴. Последняя их совместная поездка была в шведский город Мальмё, где проходил представительный Европейский социальный форум. С Анастасией они сидели рядом всю дорогу в автобусе от Питера до Мальмё. Когда российскую делегацию разместили в зале местной спортшколы, их спальные места тоже оказались рядом. Настя поехала налегке - Станислав отдал ей свой спальник, а сам спал на полу, постелив только простынку.
5. У некоторых собеседников журналиста бывших в той поездке, (как пишет автор - почти у всех), возникло стойкое убеждение: Стас и Настя как минимум глубоко симпатизируют друг другу. Правда, журналист не приводит имен своих собеседников. (Видимо, щадя их репутацию...) А единственный поименованный собеседник журналиста – адвокат Жабраил Абубакаров – эту версию резко отверг, высказавшись в том смысле, что Стас просто опекал ее как старший товарищ... Этот же свидетель заявил, что он «часто бывал у Стаса дома, на протяжении нескольких лет всегда, когда приезжал в Москву, останавливался у него. С женой Галиной у него были замечательные отношения, а в двоих своих детишках он просто души не чаял. Возился с ними постоянно, из конструктора "Лего" они замки строили...»⁵

⁴ Немного зная практику организации поездок на различные семинары и конференции, с трудом могу представить себе, чтобы кто-то из приглашенных мог «взять с собой» молодую женщину, потому что ему так захотелось.

⁵ Но автор тут же дезавуирует этого свидетеля, поскольку он добирался в Мальмё не со всеми в автобусе, а своим ходом. И жил не в спортзале со всей делегацией, а в одной из городских гостиниц.

б. Некоторые из собеседников журналиста отметили, что в поездке был некий молодой человек, которому Настя очень нравилась.

Все. Это и есть те сенсационные факты, на основании которых журналист выдвигает свою версию убийства, лаконично сформулировав ее в виде крылатого выражения «Третий - лишний?» (Правда, предусмотрительно снабдив свое открытие вопросительным знаком.) Получены эти «сенсационные факты» самым незамысловатым способом – в ходе бесед с различными людьми, которые что-то видели, что-то знали и что-то хотели рассказать. Дальше начинается полет журналистской фантазии, пересказывать который нет смысла⁶.

Возникает вопрос: какое отношение это имеет к журналистскому расследованию? Ответ, очевиден – никакого отношения ни к одному из перечисленных выше типов журналистского расследования этот текст не имеет. Это - типичная **имитация** журналистского расследования.

ВОПРОС ТРЕТИЙ: НАРУШИЛ ЛИ ВЛАДИМИР ПЕРЕКРЕСТ НОРМЫ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ЭТИКИ?

Мировой и отечественный опыт журналистской деятельности и рефлексия по поводу этого опыта дали возможность практикам и теоретикам сформулировать несколько норм, сравнение с которыми и позволяет вынести морально-этическую оценку действиям конкретного журналиста.

Размышляя над этим вопросом, можно опереться на концептуальные положения специалистов в области профессиональной этики журналиста: Д.С. Аврамова, Г.В. Лазутиной и Ю.В. Казакова⁷.

По мнению Г.В. Лазутиной, есть четыре принципа, которые вполне могут претендовать на роль методологической базы профессионально-нравственного поведения журналиста, предрешающей воплощение его профессиональной позиции в конкретные профессиональные шаги. Важно подчеркнуть, что данные принципы предполагают использование их во всех случаях журналистской

⁶ Публикация размещена на сайте Общественной коллегии, и каждый желающий может сам познакомиться с богатыми плодами этой фантазии.

⁷ Доклад Ю.В. Казакова размещен на сайте Общественной коллегии.

практики, касаются всех направлений деятельности журналиста и всех «линий» профессионально-нравственных отношений, в которые он вступает.

Принцип первый: *соблюдать приоритет общественных интересов и общечеловеческих гуманистических ценностей перед групповыми, проявляя во всех случаях профессионального поведения гражданскую зрелость.*

Важность этого принципа обусловлена тем, что он ориентирует поведение журналиста на соответствие законам, определившим возникновение журналистики, и ее суть как деятельности, призванной обеспечить такие потребности социума, от разрешения которых зависит его целостность и устойчивость. Иное поведение чревато тем, что может вызвать дисфункциональные эффекты деятельности и повлечь за собой нежелательные сдвиги в общественной жизни⁸.

Принцип второй: *соблюдать международные правовые акты и законы своей страны, соблюдать права человека, проявляя уважение к демократическим институтам общества.*

Принцип третий: *соблюдать общепринятые нормы морали, а также стандарты культуры взаимоотношений, проявляя глубокую человеческую порядочность, воспитанность, уважение к чести и достоинству личности.*

Принцип четвертый: *выполнять все профессиональные действия обдуманно, честно, тщательно, проявляя добросовестность и настойчивость, а при необходимости — мужество.*

Конкретизируя эти принципы в нормы профессиональной деятельности, Г.В. Лазутина, в частности, пишет, что «какой бы ситуацией ни заинтересовался работник СМИ (она может быть позитивной, проблемной или конфликтной), участники событий на объекте, куда он попал, неизбежно становятся действующими лицами его материала — персонажами, «героями», положительными или отрицательными. А они, между прочим, живые люди, им и дальше жить в том самом окружении, которое прочтет, увидит или услышит посвященное им журналистское произведение. Нередко от этого зависит их

⁸ Но что значит «соблюдать приоритет»? Ведь это предписание предполагает *умение понять*, в чем заключаются общечеловеческие интересы, а в чем - групповые, чем общечеловеческие гуманистические ценности отличаются от групповых. Такое умение приходит к человеку лишь по достижению им довольно высокой ступени интеллектуального, общественно-политического, нравственного развития. Так что упоминание о гражданской зрелости при формулировании принципа возникает отнюдь не случайно: она оказывается той предпосылкой, тем необходимым условием, которое делает возможным следование данному принципу.

дальнейшая судьба... Бывает, что после неловкого слова в прессе человек с хорошей репутацией вдруг превращается в объект подозрений и пересудов, способных надолго отравить ему жизнь».

А вдруг, добавлю от себя, следствие докажет, что убийство Маркелова и Бабуровой все-таки связано с их профессиональной деятельностью. Ну, вдруг?⁹ Сообщение об этом появится года через два-три, а может и вообще никогда не появится (вспомним дела Питера Хлебникова, Анны Политковской и многих других). А статья в «Известиях» уже разошлась в сотнях тысяч экземпляров и вся страна знает, что у Маркелова и Бабуровой был роман. Как же - в газете напечатано.

Видимо, именно это и почувствовала Зоя Светова, когда писала свое обращение в Общественную коллегияю.

Однако адресаты этого послания и примкнувший к ним Максим Соколов ловко подменили проблему этичности деятельности журналиста проблемой права журналиста на свободу расследования. Подмена была сделана настолько изящно, что все кинулись обсуждать именно это аспект, подозревая всех, кто был возмущен появившейся в «Известиях» публикацией, в том, что они хотят использовать убийство Маркелова и Бабуровой, чтобы насолить властям, и поэтому мешают независимым сотрудникам независимых «Известий» проводить независимые расследования. Впрочем, Максим Соколов все-таки вынужден был констатировать, что «по степени убедительности данная версия оказывается не лучше остальных». И в другом месте: «Снова повторюсь: исходная заметка не представляется убедительной».

Но зачем же, добавлю от себя, публиковать неубедительную заметку? Очень хочется выстрелить первыми?

Возможно, мнение журналиста с многолетним стажем и доцента факультета журналистики МГУ Г.В. Лазутиной не покажется В. Перекресту и В. Мамонтову авторитетным. Тогда процитирую фрагмент Основных принципов журналистской

⁹ И такая версия действительно появилась. Как сообщается в «Новой газете» от 25 февраля 2009 года, на третий день после убийства Станислава Маркелова в редакцию позвонили оперативники. Они сказали, что есть информация, по которой одной из основных версий убийства Станислава Маркелова может быть его участие в деле тагирьяновских бандитов. Если сотрудники «Известий» общались с оперативниками – а они, конечно же, общались – то они знали об этой версии. Почему же о ней не сказано ни слова?

этики из справочника Общества профессиональных журналистов «Этика в практической журналистике».

Не навредите другим

- *Сострадайте к судьбе тех, кому Ваша работа может нанести вред.*
- *Относитесь к источникам информации, к героям Ваших материалов и коллегам как к заслуживающим уважения человеческим существам, а не средствам достижения своих журналистских целей.*
- *Признайте, что сбор и распространение информации может нанести вред или неудобство, балансируйте эти негативные явления выбором средств, позволяющим максимально выполнить Вашу задачу: сообщение правды».*

Сравнение опубликованного в «Известиях» текста с этими принципами дает основание для вывода о том, что ни один из них не соблюден журналистом В. Перекрестом.

А еще есть Кодекс профессиональной этики российского журналиста, в котором сказано: *«Только защита интересов общества может оправдать журналистское расследование, предполагающее вмешательство в частную жизнь человека».*

Какие интересы какого общества защищались в материале В. Перекреста?

ВОПРОС ЧЕТВЕРТЫЙ: ВИНОВАТ ЛИ ВЛАДИМИР ПЕРЕКРЕСТ В ИНКРИМИНИРУЕМОМ ЕМУ НАРУШЕНИИ ЖУРНАЛИСТКОЙ ЭТИКИ?

Этот вопрос самый трудный. Виноват ли тигр в том, что привык питаться свежим сырым мясом? Виноват ли слон в том, что предпочитает мясу свежую зелень?

Это иллюзия, будто З. Светова и В. Перекрест оба состоят в одной профессиональной корпорации. Сегодня в России, как, впрочем, и в остальном мире, существуют, как уже говорилось выше, по крайней мере, три разных подхода к пониманию журналистики.

Первый подход позиционирует журналистику как служение власти или заказчику. Здесь хороши все средства, которые помогают заказчику сформировать у аудитории нужные иллюзии и стереотипы. В этом случае с нравственными проблемами все просто: «За все отвечает заказчик».

Второй подход предполагает, что журналистика – это обычный бизнес, главной целью которого является получение прибыли. В этом случае нравственно все, что повышает рейтинг, тираж, доход.

Третий подход рассматривает журналистику как общественную службу. Сторонники именно этого подхода много рефлексируют по поводу этичности способов получения информации, качества передаваемых аудитории сведений и т.п.

Я совершенно убежден в том, что ни г-н Перекрест, ни г-н Мамонтов не чувствуют за собой никакой вины и рассматривают данное разбирательство как потешную забаву, затеянную по заявлению не совсем уравновешенной коллеги (выразив свое недоумение по поводу обращения Световой, Мамонтов назвал это «свойством ее характера»). И это не потому, что они лично являются безнравственными людьми. Просто они живут в такой, пользуясь выражением Ю.В. Казакова, паражурналистике, где все, что они делают, это и есть, по их представлениям, журналистика. А то, о чем пишут специалисты по журналистской этике – выдумки далеких от настоящей журналистики людей¹⁰.

Любопытно, что несмотря на то, что открытое письмо Зои Световой распространил «Центр общественной информации» и многие интернет-СМИ, оно не вызвало в профессиональном сообществе активной реакции. Да, практически сразу призвал журналистов присоединиться к этому обращению «Ежедневный журнал». Заместитель главного редактора «ЕЖ» Александр Гольц в интервью «Радио Свобода» сказал, что материал Перекреста может служить образцом нарушения всех профессиональных и человеческих норм. Профессиональное сообщество, по его убеждению, обязано дать жесткую оценку произошедшему. Есть еще информация о том, что свои подписи под открытым письмом Зои Световой оставили более 20 журналистов. И пока это всё...

¹⁰ Недавно у меня был разговор с одним вполне успешным редактором городской газеты. Обсуждая разные практические дела, он как само собой разумеющееся заявил, что Кодекс профессиональной этики российского журналиста сильно устарел, поскольку в нем журналисту запрещается заниматься рекламой и пиаром. «А у нас, - сказал он, - практически все материалы оплачены». Потом все-таки задумался и как-то неуверенно произнес: «А как иначе прожить?».

Поэтому проблема не в том, чтобы осудить г-на Перекреста (равно как г-на Доренко, г-на Минкина, г-на Караулова и всех тех, кого обсуждали и осуждали сначала в Большом жюри, а ныне в Общественной коллегии). Проблема в том, чтобы преобразовать ситуацию в самой журналистике и в ее взаимоотношениях с теми, от кого зависит благополучие журналистов. А это требует отдельного серьезного разговора.